5.2.3 Региональная и отраслевая экономика

Научная статья

УДК 332.1

СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ АСИММЕТРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

Левицкая Полина Вадимовна
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Аннотация

Пространственное неравенство, проявляющееся в устойчивой асимметрии социально-экономического развития регионов, представляет собой одну из наиболее комплексных и структурных проблем современной Российской Федерации. Данный феномен, выходящий за рамки только экономических диспропорций, детерминирует ключевые макроэкономические показатели, формирует долгосрочные социальные и демографические тенденции. В данном исследовании была рассмотрена методология оценки асимметрии социально-экономического развития регионов. Обозначены институциональные и инфраструктурные барьеры развития Дальнего Востока. Проведен анализ действующих государственных программ (территории опережающего развития, «Дальневосточный гектар») и их эффективности. Сформулированы предложения по формированию комплексной стратегии, включая стимулирование точек роста, миграционную политику и межрегиональную кооперацию. По результатам проведенного исследования сделаны выводы о том, что разработка и имплементация эффективных стратегий преодоления асимметрии между Дальним Востоком и Центральной Россией — это стратегический императив современного национального развития. Он требует перехода от реализации точечных инфраструктурных проектов к формированию

комплексной модели пространственного развития, основанной на принципах «умной» специализации, создании полюсов роста за пределами столичной агломерации, глубокой институциональной модернизации и целенаправленном построении социально-экономической основы, способной удержать и привлечь население на стратегически важных для России территориях. Настоящее исследование актуально именно в контексте поиска научно обоснованных механизмов такой трансформации.

Ключевые слова: стратегии; асимметрия социально-экономического развития регионов; методология оценки; институциональные и инфраструктурные барьеры; межрегиональная кооперация

Статья поступила в редакцию 11.03.2025, одобрена после рецензирования 18.04.2025, принята к публикации 02.06.2025.

Original article

STRATEGIES FOR OVERCOMING THE ASYMMETRY OF SOCIOECONOMIC DEVELOPMENT IN REGIONS: THE CASE OF THE FAR EAST AND CENTRAL RUSSIA

Levitskaya Polina Vadimovna
St. Petersburg State University of Economics

Abstract

Spatial inequality, manifested in persistent asymmetries in regional socioeconomic development, is one of the most complex and structural problems facing the modern Russian Federation. This phenomenon, which extends beyond economic disparities, determines key macroeconomic indicators and shapes long-term social and demographic trends. This study examined a methodology for assessing the asymmetry in regional socioeconomic development. Institutional and infrastructural barriers to the development of the Far East were identified. An analysis of existing government programs (Advanced Development Areas, "Far Eastern Hectare") and their

effectiveness was conducted. Proposals for a comprehensive strategy were formulated, including stimulating growth areas, migration policy, and interregional cooperation. The study concluded that the development and implementation of effective strategies to overcome the asymmetry between the Far East and Central Russia is a strategic imperative for modern national development. This requires a shift from the implementation of isolated infrastructure projects to the formation of a comprehensive spatial development model based on the principles of "smart" specialization, the creation of growth poles outside the capital's agglomeration, deep institutional modernization, and the targeted construction of a socio-economic foundation capable of retaining and attracting populations to Russia's strategically important territories. This study is particularly relevant in the context of the search for scientifically sound mechanisms for such a transformation.

Keywords: strategies; asymmetry of socio-economic development of regions; assessment methodology; institutional and infrastructural barriers; interregional cooperation.

The article was received by the editorial office on 03/11/2025, approved after review on 04/18/2025, accepted for publication on 06/02/2025.

Введение.

Актуальность исследования стратегий преодоления асимметрии социально-экономического развития регионов на примере сопоставления Дальнего Востока и Центральной России обусловлена их основополагающей ролью в системе российского пространственного развития. Центральная Россия, и, в особенности, столичный регион (г. Москва и Московская агломерация), выступает в роли экономико-финансового, политического, научно-инновационного и культурного ядра страны. Здесь концентрируются финансовые потоки, деятельность крупнейших корпораций, ведущие научные и образовательные центры, формируя мощный эффект агломерации и притяжения

ресурсов, человеческого капитала и инвестиций.

На противоположном полюсе данной пространственной дихотомии находится Дальневосточный федеральный округ — макрорегион, обладающий существенным природно-ресурсным, геоэкономическим и геостратегическим потенциалом, но характеризующийся статусом периферийной территории в национальной экономике. Для Дальнего Востока типичны черты сырьевой специализации: депопуляция и старение населения, слабая диверсификация экономики, критическая зависимость от федеральных трансфертов, сверхвысокие издержки логистики и жизнеобеспечения, отставание в качестве жизни и развитии социальной инфраструктуры. Эта перманентная напряженность между Центральной Россией и регионами Дальневосточного федерального округа воспроизводит модель пространственного развития, усугубляется в условиях рыночной экономики и глобальной конкуренции.

Макроэкономические последствия такой асимметрии носят системный характер:

1) Недополучение ВВП и потеря темпов роста из-за неэффективного использования пространственного и ресурсного потенциала отдаленных регионов;

2) Структурные деформации экономики, закрепляющие за Центральной Россией роль конечного потребителя добавленной стоимости, а за ресурсными периферимами — роль поставщика сырья;

3) Необходимость постоянного и масштабного бюджетного выравнивания и субсидирования депрессивных территорий;

4) Повышенные транзакционные издержки на преодоление пространственного неравенства, что снижает конкурентоспособность национальной экономики в целом.

Социальные последствия обладают значительным латентным потенциалом дестабилизации:

1) Массовая и селективная миграция (в первую очередь, молодёжи и

высококвалифицированных кадров) из периферийных регионов в центр, приводящая к деградации человеческого капитала на отдалённых территориях и перегрузке социальной инфраструктуры;

2) Поляризация качества жизни и социального здоровья граждан;

3) Демографический кризис в восточных регионах, угрожающий их геополитической устойчивости и способности освоения территории;

4) Накопление социального недовольства и регионального патернализма, ослабляющее стимулы к самостоятельному развитию и создающее риски социальной напряженности [1], [2].

Цель исследования заключается в разработке предложений по формированию комплексной стратегии, включая стимулирование точек роста, миграционную политику и межрегиональную кооперацию.

Обзор литературы. Проблема количественной оценки и мониторинга пространственной асимметрии является основополагающей и актуальной в рамках изучения специфических особенностей региональной и отраслевой экономики. По мнению А.Ш. Ахмедуева, методологический аппарат в данной сфере представляет собой комплексную, эволюционирующую систему, в рамках которой доминирует индикаторный (индексный) подход, основанный на сопоставительном анализе статистических показателей [3]. Выбор и вес индикаторов, однако, являются предметом постоянной научной дискуссии, отражающей различные теоретические модели: от неоклассического акцента на эффективности и результативности до концепций устойчивого развития и качества жизни [4], [5].

Традиционное ядро методологии, основанное на положениях теорий регионального роста и поляризованного развития (Ф. Перру, Г. Мюрдаль), составляет анализ валового регионального продукта (ВРП). ВРП на душу населения рассматривается как ключевой индикатор экономической результативности региона и производительности его экономики (подход, разделяемый такими исследователями, как А.А. Допчут [6]). Его преимущество

— интегральность и сопоставимость на международном уровне. Вместе с тем, как утверждает Н.В. Цибизова, отмечаются существенные ограничения данного показателя. Он не учитывает межрегиональное перераспределение добавленной стоимости через головные офисы корпораций (что завышает показатели столичных регионов и занижает — ресурсодобывающих территорий), структурные особенности экономики (высокий ВРП на душу населения в моноресурсном регионе может не отражать сырьевую зависимость и уязвимость), экологический ущерб и истощение природного капитала [7].

Инвестиции в основной капитал на душу населения служат индикатором потенциального развития и активности бизнес-среды. Анализ их динамики и структуры позволяет оценить инвестиционный климат и диверсификацию экономики. Однако исследователи (Е.Ю. Меркулова и А.С. Богопольский) предупреждают о рисках интерпретации: высокие инвестиции могут быть связаны с реализацией нескольких мегапроектов (в ДФО — например, «Сила Сибири») и не формируют самоподдерживающийся рост, а также могут иметь сырьевую направленность, консервируя асимметрию [8].

В противовес традиционному экономическому подходу школа регионального социально-экономического развития (Л.А. Беляева, С.Ю. Рощин) настаивает на включении в методологию индикаторов, отражающих конечные цели развития — благосостояние населения. Это позволяет оценить, насколько экономический рост трансформируется в улучшение жизни:

1. Уровень бедности (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума) является ключевым индикатором социального расслоения и эффективности перераспределительных механизмов. Его анализ в региональном разрезе выявляет территории социального неблагополучия, часто не совпадающие с экономически отсталыми (например, депрессивные моногорода в промышленно развитых регионах).

2. Параметры качества жизни населения формируют комплексную альтернативу ВРП:

- объективные показатели (оценка развития человеческого капитала и объектов социальной инфраструктуры): ожидаемая продолжительность жизни, обеспеченность жильем, мощностью поликлиник, детскими садами, доступность интернета;

- субъективные показатели (нематериальные аспекты благополучия): удовлетворенность жизнью, оценка собственного здоровья, доверие институтам;

- Индекс человеческого развития, адаптированный для регионов Российской Федерации [9], [10].

Материалы и методы исследования. Информационную базу исследования составили теоретические положения регионального роста и поляризованного развития, концепции индикаторного подхода.

В процессе проведения исследования использовались следующие методы: систематизация, обобщение, индукция, дедукция, анализ нормативно-правовых документов, визуализация информации.

Результаты исследования и их обсуждение. В отличие от Центральной России развитие Дальневосточного федерального округа (ДФО) сдерживается комплексом взаимосвязанных институциональных и инфраструктурных ограничений, носящих системный характер. Их анализ позволяет идентифицировать ключевые узкие места, нейтрализация которых является условием преодоления периферийного статуса макрорегиона.

Институциональные барьеры относятся к сфере формальных и неформальных правил, определяющих экономическое поведение:

- высокая степень централизации принятия решений по стратегическим вопросам (распределение ресурсов, крупные инвестиции) создает временные лаги и снижает гибкость реагирования на местные условия. Избыточные административные процедуры, связанные с землеотводом, получением разрешений на строительство (особенно в прибрежной и пограничной зонах), проведением экологической экспертизы, увеличивают транзакционные издержки и сроки реализации проектов;

- ограниченность и высокая стоимость финансовых ресурсов, слабость региональных банковских систем, недоступность долгосрочных кредитов для малого и среднего бизнеса. Рынок труда характеризуется структурными дисбалансами, в частности, дефицит квалифицированных кадров в несырьевых отраслях сочетается с избытком в депрессивных моногородах. Правоприменительная практика часто оценивается бизнес-сообществом как непредсказуемая, что повышает инвестиционные риски;

- исторически сложившаяся модель расселения и размещения производства приводит к низкой связанности внутреннего рынка ДФО. Отсутствие эффективных механизмов межмуниципальной и межрегиональной кооперации внутри округа консервирует локализованность экономических активностей.

Инфраструктурные барьеры носят материальный характер и непосредственно определяют сравнительные издержки хозяйственной деятельности:

- низкая плотность и износ транспортных сетей (железнодорожная и автомобильная сеть фрагментирована), высокая логистическая стоимость перевозок (удаленность от основных центров потребления в европейской части России и зависимость от морского транспорта и дальних железнодорожных перевозок делают конечную продукцию неконкурентоспособной на внутреннем рынке), неразвитость портовой и аэропортовой инфраструктуры для обеспечения мультимодальных перевозок;

- отсутствие единой энергосистемы в масштабах ДФО, зависимость многих районов от изолированных и технологически устаревших дизельных электростанций, ведущая к крайне высокой (в несколько раз выше среднероссийской) стоимости электроэнергии для конечных потребителей;

- дефицит качественного жилья, объектов здравоохранения, образования и культуры в малых и средних городах является ключевым фактором, ограничивающим миграционную привлекательность и закрепление населения.

Институциональные (высокие регуляторные риски, стоимость финансов) и инфраструктурные (логистика, энергия) барьеры непосредственно формируют высокие системные издержки. Это делает нерентабельными проекты в обрабатывающей промышленности, высокотехнологичных и сервисных секторах, закрепляя сырьевую специализацию. В свою очередь, слаборазвитая несырьевая экономика не создает качественные рабочие места и не генерирует достаточный внутренний спрос, что стимулирует отток населения и капитала. Этот отток ослабляет человеческий потенциал и налоговую базу, что затрудняет самостоятельное финансирование развития инфраструктуры и институтов.

Государственные программы «Территории опережающего развития» (ТОР) и «Дальневосточный гектар» представляют собой ключевые инструменты новой региональной политики на Дальнем Востоке, направленные на преодоление вышеуказанных барьеров. Их анализ с позиций экономической эффективности и структурного воздействия выявляет как достижения, так и системные ограничения.

Национальная программа «Территории опережающего развития (ТОР)» - это инструмент, который направлен на создание локальных зон с особыми условиями ведения бизнеса, программа «Дальневосточный гектар» - нацелен на закрепление населения на территории регионов Дальневосточного федерального округа (таблица 1).

Таблица 1 - Сравнительный анализ программ ТОР и «Дальневосточный гектар»

Критерий	ТОР	Дальневосточный гектар
Основная цель	Стимулирование инвестиций и создание рабочих мест через снижение издержек для бизнеса	Закрепление населения, вовлечение земель в оборот
Целевой	Крупный и средний	Физическое лицо (гражданин

субъект	инвестор (юридическое лицо)	РФ)
Ключевой механизм	Финансово-административные преференции на ограниченной территории	Безвозмездное предоставление права на земельный участок
Ожидаемый результат	Реализация конкретных инвестиционных проектов с фиксированными параметрами	Диффузное освоение территории, малое предпринимательство, индивидуальное жилищное строительство
Достижения	Привлечение крупного капитала, запуск новых производств	Высокий спрос, вовлечение земель в оборот
Системные ограничения	Анклавность, сырьевая ориентация, высокие фискальные издержки	Отсутствие инфраструктуры, низкая бизнес-конверсия, ограниченный демографический эффект
Экономическая логика	Привлечение инвестиций через создание конкурентоспособных территориальных зон	Освоение территорий через заселение с учётом самоорганизации

В соответствии с таблицей 1 присутствуют два принципиально различных, но комплементарных подхода государства. ТОР представляют собой инструмент индустриальной политики «сверху», эффективный для точечного привлечения капитала в капиталоемкие проекты, но обусловленный негативным эффектом анклавности. «Дальневосточный гектар» — это методов социально-демографической политики «снизу», который, однако, не подкреплен необходимыми инфраструктурными инвестициями, что в существенной мере

снижает его экономическую эффективность. Их слабая взаимосвязь (резидент ТОР не получает прямых преимуществ от гектара, а получатель гектара не интегрирован в цепочки добавленной стоимости ТОР) является ключевым недостатком текущей макроэкономической политики.

Преодоление асимметрии в развитии ДФО требует перехода от набора разрозненных инструментов к комплексной пространственной стратегии, интегрирующей экономические, инфраструктурные, социальные и миграционные аспекты в единую логику формирования устойчивой самовоспроизводящейся экономической системы:

1. Эволюция точек роста в опорные каркасы развития и стимулирование кластеров:

- необходима трансформация изолированных ТОР в более крупные пространственные зоны развития, где преференции распространяются на всю сопряженную территорию, включая объекты инфраструктуры и смежные предприятия МСП, что позволит генерировать агломерационные эффекты;

- целенаправленное стимулирование создания технологически связанных производственных кластеров (например, «добыча – глубокая переработка – производство конечных изделий» в лесном и рыбопромышленном комплексе; «судостроение – портовая логистика – морские услуги» в транспортно-логистической системе). Ключевую роль должны играть опорные университеты как центры НИОКР и подготовки кадров под нужды кластеров;

- инвестиции должны смещаться от инфраструктуры конкретных месторождений к проектам, повышающим связность макрорегиона и снижающим системные издержки: развитие опорной энергетической сети с единым тарифным меню, строительство логистических хабов в узловых точках, цифровизация.

2. Целевая и дифференцированная миграционная политика, ориентированная на человеческий капитал:

- внедрение балльной системы привлечения мигрантов, дающей приоритет

молодым специалистам с востребованными профессиями, предпринимателям, выпускникам ведущих вузов;

- трёхконтурная стратегия закрепления населения:

а) внутренний контур (повышение мобильности и качества жизни внутри ДФО для удержания местной молодежи);

б) национальный контур (пакет мер для привлечения населения из других регионов: ипотечные каникулы, гарантированное место работы в образовательных учреждениях, программа целевого обучения с обязательством отработки на конкретном предприятии);

в) международный контур (создание упрощенных режимов для привлечения квалифицированных специалистов и предпринимателей из стран АТР (Китай, Южная Корея, Вьетнам), включая создание комфортной культурно-бытовой среды;

- программу «Дальневосточный гектар» необходимо скорректировать, предоставляя готовые к заселению участки в развиваемых населенных пунктах с минимальным набором инженерной и социальной инфраструктуры («гектар с коммуникациями»).

3. Развитие межрегиональной и трансграничной кооперации:

- стимулирование создания производственно-сбытовых цепочек, связывающих ДФО с Сибирью и Центральной Россией через механизмы кооперационных ярмарок, совместных НИОКР; реализация проектов, где научно-техническая разработка происходит в Центральной России, а опытное и серийное производство размещается на Дальнем Востоке;

- переход от логики транзита сырья к логике встраивания в технологические цепочки АТР, что требует создания совместных предприятий по глубокой переработке ресурсов, развития образовательных и научных обменов, формирования комфортной деловой среды для азиатских инвесторов, в том числе через создание международных деловых советов.

Выводы. В современной методологии оценки региональной асимметрии

существует консенсус относительно необходимости комбинации экономических и социальных индикаторов в рамках комплексного подхода. Дискуссия смещается с вопроса «какие показатели включать?» к вопросам «как правильно их измерять, взвешивать и интерпретировать в контексте конкретных территорий?». Перспективным направлением является разработка многоуровневых систем индикаторов, которые, с одной стороны, позволяют проводить агрегированную оценку, а с другой — дают возможность анализировать глубинные структурные причины диспропорций (отраслевая структура, институты, человеческий капитал).

Предлагаемая стратегия носит циклический и взаимоподкрепляющий характер. Ее основа - одновременное воздействие на три ключевых направления: создание диверсифицированной экономики (через кластеры), приток человеческого капитала (посредством умной миграции) и развитие инфраструктуры. Их синергия способствует ключевому промежуточному результату — снижению системных издержек для бизнеса и повседневной жизни. Это, в свою очередь, делает макрорегион более привлекательным для новых волн инвестиций и мигрантов, создавая положительную обратную связь. Конечная цель — переход от модели управляемого извне развития к формированию устойчивого локального сообщества, способного к внутреннему росту. Реализация такой стратегии требует консолидированных долгосрочных усилий государства, предпринимательского сектора и гражданского общества при четком понимании, что эффекты проявятся в будущем на горизонте 15-20 лет.

Список литературы

1. Веприкова Е. Б., Кубичек В. В. Дальневосточный макрорегион: специфика социально-экономического развития // Власть и управление на Востоке России. – 2021. – №. 3 (96). – С. 31-44.
2. Дьяченко В. Н., Лазарева В. В. Сельское расселение на Дальнем Востоке в условиях реализации региональных программ развития (на примере Амурской

области) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2023. – №. 3 (75). – С. 22.

3. Ахмедуев А. Ш. Государственное регулирование как ключевой фактор сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития регионов // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2022. – №. 6 (140). – С. 36-42.

4. Полутина Т. Н., Есенкова Г. А., Евченко А. В. Регулирование социально-экономического неравенства в регионе и гармонизация сопряженного развития его территориально-отраслевых структур с применением средств стратификации и кластеризации регионального пространства // Вестник Академии знаний. – 2025. – №. 1 (66). – С. 415-429.

5. Леонтьева Л. С., Копуш Д., Хаяа М. Комплекс управленческих инструментов для преодоления дифференциации пространственного развития региона // Государственное управление. Электронный вестник. – 2024. – №. 103. – С. 152-163.

6. Допчут А. А. Анализ уровней социально-экономического развития регионов Российской Федерации // Вестник Тувинского государственного университета. Естественные и сельскохозяйственные науки. – 2022. – №. 1 (89). – С. 13-21.

7. Цибизова Н. В. Пространственная трансформация экономики приграничных регионов: методология оценки и механизмы управления асимметрией развития (на примере Южного Урала и Северного Казахстана) // Международный научно-исследовательский журнал. – 2025. – №. 3 (153). – С. 69.

8. Меркулова Е. Ю., Богопольский А. С. Дифференциация регионов России: экономические контрасты и социальные различия // Статистика и экономика. – 2025. – Т. 22. – №. 3. – С. 39-52.

9. Подгорный В. В. Проблема региональной асимметрии в зеркале системной теории устойчивого регионального развития // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2025. – №. 1. – С. 231-256.

10. Савельев И. А. Реализация стратегии социально-экономического развития

регионов РФ в контексте снижения негативных последствий социально-экономических неравенств // Вопросы управления. – 2022. – №. 6 (79). – С. 36-47.

References

1. Veprikova E. B., Kubicek V. V. Far Eastern macroregion: specifics of socio-economic development // Power and Administration in the East of Russia. - 2021. - No. 3 (96). - P. 31-44.

2. Dyachenko V. N., Lazareva V. V. Rural settlement in the Far East in the context of the implementation of regional development programs (on the example of the Amur Region) // Regional Economics and Management: electronic scientific journal. - 2023. - No. 3 (75). - P. 22.

3. Akhmeduev A. Sh. State regulation as a key factor in balanced and sustainable socio-economic development of regions // Regional problems of economic transformation. - 2022. - No. 6 (140). - P. 36-42.

4. Polutina T. N., Yesenkova G. A., Evchenko A. V. Regulation of socio-economic inequality in the region and harmonization of the coupled development of its territorial-sectoral structures using the means of stratification and clustering of regional space // Bulletin of the Academy of Knowledge. - 2025. - No. 1 (66). - P. 415-429.

5. Leontyeva L. S., Kopush D., Hayaa M. A set of management tools for overcoming the differentiation of spatial development of a region // Public administration. Electronic Bulletin. - 2024. - No. 103. - P. 152-163.

6. Dopchut A. A. Analysis of the levels of socio-economic development of the regions of the Russian Federation // Bulletin of the Tuva State University. Natural and Agricultural Sciences. - 2022. - No. 1 (89). – P. 13-21.

7. Tsibizova N. V. Spatial transformation of the economy of border regions: assessment methodology and mechanisms for managing development asymmetry (on the example of the Southern Urals and Northern Kazakhstan) // International Research Journal. – 2025. – No. 3 (153). – P. 69.

8. Merkulova E. Yu., Bogopolsky A. S. Differentiation of Russian regions: economic

contrasts and social differences // Statistics and Economics. – 2025. – Vol. 22. – No. 3. – P. 39-52.

9. Podgorny V. V. The problem of regional asymmetry in the mirror of the system theory of sustainable regional development // Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics. – 2025. – No. 1. – P. 231-256.

10. Saveliev I. A. Implementation of the strategy of socio-economic development of the regions of the Russian Federation in the context of reducing the negative consequences of socio-economic inequalities // Issues of Management. - 2022. - No. 6 (79). - P. 36-47.